

У меня подснежники для вас...

Недавно услышала песню о фронтовых медсестрах, пел Иосиф Кобзон:

Вот и снова День Победы,
Надо нам отметить это —
Долг святой для наших всех солдат.
Кто здесь есть из медсанбата,
Отзовитесь-ка, девчата, 345-й медсанбат.
Где ты, Лида, где ты, Аня?
Вот и вновь у нас свиданье,
Но чего-то я не вижу вас.
А у нас такая дата,
Вы откликнитесь, девчата,
У меня подснежники для вас...



часть I

Это же песня о моей маме и о ее боевых подругах. А о случае с подснежниками знали у нас все, эта история пересказывалась не один раз. Ведь именно случай с подснежниками познакомил моих родителей. Конкретно, в каком именно месте это произошло, из рассказа мамы, не помню: то ли в Польше, то ли уже на территории Германии.

Советские войска освобождали города и села. Была весна. Медсанбат остановился на поляне у окраины леса, и девчонки-медсестры решили пойти в лес за подснежниками. Но

Но всю эту размеренную и счастливую жизнь прервала война. Отец ушел на фронт в первые же дни. Как только Гундоровскую станицу освободили, Ольга попросилась на фронт, ей тогда шел 19-й год.

вдруг они увидели, как с нескольких сторон прямо на них ползут немецкие солдаты (это потом они узнали, что это остатки солдат из разбитой накануне части). Девчонки прыгнули в какой-то маленький то ли ров, то ли окопчик. От страха прижались к земле и закрыли глаза. Мама рассказывала, что не помнит, сколько прошло времени, но вдруг услышала шум танка. Открыла глаза, а перед ней — танкист, смеется: «Ну что, девчонки, с вами ничего такого... от страха не произошло?».

Так и познакомилась моя мама с танкистами, которые двигались в одном направлении с медсанбатом, находились на соседней поляне. И кто-то из них в бинокль, наблюдая за медсестричками, увидел, что случилось, и танкисты вовремя пришли на помощь.

Вот и пересеклись фронтовые дороги гундоровской казачки Оли Кравцовой и белорусского парня Бронислава Лобаго. А до этой встречи у каждого был свой путь.

Мама

Она родилась в конце декабря 1924 года в семье Александра и Екатерины Кравцовых. Родители работали в колхозе, имели (как во всех казачьих семьях) свое хозяйство: корову, овец, гусей, уток, кур, огород. Детей Надежду и Ольгу приучали

к крестьянскому труду, девчонки по очереди нянчили младшего братишку Александра. Екатерина Варлаамовна была очень приветливой и хлебосоль-



ной хозяйкой. По праздникам в доме собирались казаки и казачки, звучали казачьи байки и песни.

Но всю эту размеренную и счастливую жизнь прервала война. Отец ушел на фронт в первые же дни. Девчонки посещали в Каменске краткосрочные курсы медсестер. Пришлось семье пережить и оккупацию. Но как только Гундоровскую станицу освободили, Ольга попросилась на фронт, ей тогда шел 19-й год.

О годах войны мама старалась не вспоминать. Лишь иногда на мои вопросы отвечала: «На войне как на войне: кровь, раны, смерть...». И только однажды своему внуку рассказала несколько эпизодов, потому, что ему в школе дали задание написать сочинение о войне.

Из сочинения сына:

«Очень сильные бои шли за Зеедовские высоты. Эти бои открыли битву за Берлин в апреле 1945 года. Они длились всего четыре дня. Почти один миллион красноармейцев прокладывал путь к воротам Берлина. Это потом бабушка узнала, что здесь погибли 70 000 советских солдат. В первый день боя медикам хирургического взвода пришлось принять и обработать почти две тысячи раненых».

Из рассказа бабушки:

«В том бою наши солдаты захватили в плен немцев. Среди них тоже было много раненых. Место, где мы находились, было открытое. Нас постоянно обстреливали. На-



пы, объяснили и немцам, чтобы они помогли копать.

Они начали рыть окопы вместе с нами, с ужасом смотрели в нашу сторону. Как оказалось, они думали, что как только выкопают ямы, мы их у этих же ям и расстреляем. А когда увидели, что мы их перевязываем, поим водой

Весть о том, что фашисты напали на Советский Союз, повернула беззаботную жизнь совершенно в другое направление. Каждый из братьев стремился попасть на фронт как можно быстрее.

и помогли спрятаться в окопы, не могли в себя прийти. Один немец плакал навзрыд, что-то бормотал и не пытался даже скрыть своих слез — слез радости от того, что остался жив.

Когда закончились бои, мы увидели стволы деревьев без веток, а земля была сплошь покрыта воронками. Как мы могли тогда остаться в живых, до сих пор не могу понять: ни ранения, ни царапины...»

Я рассматриваю фронтовые награды и удостоверения к ним, которые получили мои родители. Они у них за участие в одних и тех же фронтовых операциях, отличаются только номерами и датами указов: орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За боевые заслуги», орден Отечественной войны 2-й степени и другие.

Сохранилась мамина красноармейская книжка. С интересом читаю записи в ней. На первом листе сверху: «Красноармейскую книжку иметь всегда при себе. Не имеющих книжек — задерживать». Далее: «Кравцова Ольга Александровна, гвардии старший сержант, медсестра медико-санитарного батальона, оперативно-перевязочный взвод. Год призыва — май 1943 года, призвана Каменским РВК Ростовской области, военную присягу приняла 24 мая 1943 года. В разделе «Участие в боях» записано: «4-й Украинский фронт, 1-й Украинский фронт, 1-й Белорусский фронт, города Белгород, Ландсберг, Гдыня, Берлин и другие». Есть и запись о выдаче вещевого имущества: шинель, гимнастерка, юбка, сорочка, сапоги.

Окончание — на стр. 4.

У меня подснежники для вас...



Окончание.
Начало – на стр. 3.

часть II

Но в этой же красноармейской книжке стоит печать и запись под ней: «Зарегистрирован брак с Лобаго Б. Ю. в Берлине 14 июня 1945 года. Вместе они проживут 54 года, до дня папиной смерти. Ведь после войны раны, полученные папой на фронте, отразятся на его здоровье. Мама переживет его на 10 лет, часто вспоминая ту далекую и светлую историю с подснежниками, а не бои и пожарища.

Папа

До войны он успел окончить железнодорожный техникум в городе Могилеве в Белоруссии. Семья была большая и дружная: отец – машинист на железной дороге, мама – хранительница домашнего очага, старший брат Александр – летчик, младший

штабе начался в канун войны. Юноши получили значки «ГТО», «Ворошиловский стрелок» и, как ордена, с гордостью носили их на груди.

Весть о том, что фашисты напали на Советский Союз, повернула беззаботную жизнь совершенно в другое направление. Каждый из братьев стремился попасть на фронт как можно быстрее. Все боялись, что война будет победной и кратковременной, и они не успеют рассчитаться с врагами.

Судьбы семьи Лобаго перепахала война. Папин отец ушел в партизаны. И о нем долго ничего не было известно. И лишь после войны папе выдали справку, в которой говорилось, что партизан Лобаго Юрий Людвигович

Могилев. Часто посещали партизанское кладбище, могилу деда.

А вот папин старший брат – летчик погиб при освобождении Польши. Его самолет в бою с фашистским летчиком был подбит. Александру из последних сил все же удалось посадить самолет. Но из боевой машины товарищи достали его мертвым. Похоронен папин брат под Гдыней.

Из сочинения сына:

«Как рассказывал дедушка, самые тяжелые бои для танкистов были на Орловско-Курском и Белгородском направлениях. Как он не погиб в боях под Прохоровкой? Это, наверное, по словам деда, ангел-хранитель спас. Если бы фашисты

и по тылам Центрального фронта. В районе Прохоровки были сосредоточены огромные танковые силы обеих армий. В такой обстановке встречного танкового боя было просто невозможно избежать...»

Та битва под Прохоровкой стала одной из самых грандиозных танковых баталий. Сейчас спорят о точном количестве танков, артиллерии и другой техники, принимавшей участие в боях под Прохоровкой. Но то, что ее там было много, как никогда, не оспаривается никем. Германский штаб использовал почти все резервы, собрав небывалый танковый кулак для своей излюбленной тактики – прорыва обороны танковыми клиньями. Были случаи, когда противник прорывался в глубину обороны, но зато ни один из прорвавшихся танков фашистов не возвращался обратно. Все они уничтожались в полосе нашей обороны.

Немцы предпринимали много попыток переломить ход сражения на основном направлении. Они бро-



Но дорогами войны мои родители шли вплоть до победного мая 1945 года. И на поверженном Рейхстаге оставили свои росписи мама, папа и дедушка.



Как он не погиб в боях под Прохоровкой? Это, наверное, по словам деда, ангел-хранитель спас.

Владимир только окончил школу, сестра Мария училась в техникуме.

Воспитывались дети в боевом духе красных партизан. Все игры в детстве носили полувоенный характер, любимым фильмом был «Чапаев», который тогда пользовался бешеной популярностью. Мальчишки брали пример с Чапаева. Они готовы были отдать свои жизни за Родину. Незадолго до начала войны в Могилеве были организованы в учебных заведениях специальные направления допризывной подготовки – авиация, танковое дело, артиллерия.

Отец изучал устройство легкого танка Т-38, остальные танки видел лишь в учебных кинофильмах, но тогда не особенно распространялись о новых моделях, потому что выпуск Т-34 и КВ-1 в промышленном мас-



был повешен немцами. Еще когда был Советский Союз, мы с папой ежегодно ездили в гости к бабушке в

прорвались в районе Прохоровки, то это открыло бы войскам Гитлера возможность удара по Курску

сили в бой свою резервную танковую дивизию совместно с дивизией «Мертвая голова», чтобы нанести удар по нашему правому флангу. Но ничего у фашистов не вышло. Мы выиграли сражение, а наступление немецких сил на Прохоровку было остановлено...»

Так закончилась последняя крупная наступательная операция германских войск на Восточном фронте. Но дорогами войны мои родители шли вплоть до победного мая 1945 года. И на поверженном Рейхстаге оставили свои росписи мама, папа и дедушка.

О том, как расписались не только на Рейхстаге, а и в документе, что их брак зарегистрирован, папа и мама всегда рассказывали с присущим им юмором: «Уезжая на фронт, каждый из нас считал, что никаких там романов не будет. Все будет, если мы уцелеем, после войны. Мы ведь строже смотрели на эти вещи, чем нынешние молодые люди. Поцеловаться для нас было – полюбить на всю жизнь. На фронте любовь была как бы запрещенной. Если влюблялись, то старались скрывать это. Не дай бог узнает командование. Ведь разлучат, переведут в другую часть. Но мы любили. Я думаю, что любовь нас спасала. Меня она точно спасла», – говорила мама. «Ох уж эти подснежники! И зачем я тебя тогда спас?» – шутил папа.

Вот такая судьба у моих родителей. Такая же, как и у многих их сверстников, прошедших дорогами войны и пронесших до конца своих дней фронтовую дружбу и любовь.

Светлана Лобаго